

На правах рукописи

Новикова Наталия Дмитриевна

**ФЕНОМЕН САМОКРИТИКИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В ИНТЕРИОРИЗОВАННОМ ДИСКУРСЕ**

(на материале британской художественной
литературы XXI в.)

Специальность 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки)
(филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Нижний Новгород

2025

Работа выполнена на кафедре английской филологии
ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова»

Научный руководитель – Кабанова Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английской филологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова»

Официальные оппоненты: **Катермина Вероника Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»

Самигуллина Анна Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и межкультурной коммуникации Высшей школы зарубежной филологии, лингвистики и перевода Института гуманитарных и социальных наук ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Ведущая организация: ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»

Защита состоится «23» апреля 2025 года в 11.30 на заседании диссертационного совета 24.2.344.02 при ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» по адресу: 603155, г. Н. Новгород, ул. Минина, д. 31а, аудитория 3319.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале научной литературы библиотеки НГЛУ по адресу: 603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31а, 3 корпус, ауд. 3503.

Диссертация и автореферат размещены на официальном сайте НГЛУ: <https://www.lunn.ru>

Автореферат разослан «___» _____ 2025 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

И.Н. Кабанова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Во многих исследованиях в области гуманитарных наук XXI века доминирует антропоцентрическая направленность, в рамках которой категория субъекта находится в центре внимания учёных. Современные лингвистические исследования всё чаще обращаются к изучению интраперсональной коммуникации, то есть такого вида коммуникации, в котором субъект становится одновременно и адресантом, и адресатом (И.В. Артюшков, Н.Д. Арутюнова, М.Я. Блох, Е.Н. Бобрикова, Т.В. Кириллова, С.В. Ларина, Ю.В. Погребняк, М.С. Сергеева и др.).

Ориентацию на внутренний мир человека, обращение к бессознательному можно также наблюдать в различных видах искусства: живописи, музыке, кино, литературе. Художественные произведения, в которых целью авторов является раскрытие личности героев, их чувств, описание внутренних конфликтов и их разрешения, приобретают все большую популярность, как среди авторов, так и читателей. Психологизм в литературе проявляется в начале XX века, что обусловлено изменениями в отношении людей к жизни и их восприятию действительности. Кроме того, развитие психологии как науки, в частности появление работ З. Фрейда, привело к повышенному интересу общества к внутреннему миру человека. Такие авторы, как Дж. Джойс и В. Вулф, впервые применили метод «потока сознания», позволивший сымитировать работу сознания, а также передать внутренние мысли и эмоции персонажей.

С другой стороны, в последние десять лет широкое распространение получила художественная литература, написанная авторами с расстройствами аутистического спектра (РАС). Исследователи-нейропсихологи, когнитивные психологи, нейрофизиологи доказывают, что расстройства аутистического спектра оказывают влияние на способы восприятия и интерпретации мира (I.M. Cremona, F. Happé, N. Kaland, C.F. Norbury, G. Rundblad, E. Whyte, etc.), а также негативно воздействует на развитие языковых способностей (S. Arunachalam, S. Bölte, E. Duketis, M. Holtmann, R.J. Luyster, F. Poustka, I. Vogindroukas, etc.). Работы нейротипичных писателей представляют уникальную возможность проследить, как замкнутое на себе сознание находит отражение в художественном дискурсе.

Лингвистическое моделирование внутреннего мира героя, внутренней речи и чувств находит своё отражение в *«интериоризованном дискурсе»* [Погребняк, 2015]. Ключевой характеристикой интериоризованного дискурса является обращение индивида к внутреннему «Я» с целью самоанализа, саморефлексии, самопознания и самокоррекции. Самокритика, выступающая в качестве механизма саморефлексии, самооценки и саморегуляции, играет важную роль как в процессе развития личности, так и при формировании её эмоциональной устойчивости. Понимание глубинных механизмов самокритики, её влияния на психоэмоциональное

состояние человека, а также анализ способов вербализации самокритики представляет особый интерес не только для психолингвистики, но и для коммуникативной и когнитивной лингвистики. Вышеуказанными обстоятельствами объясняется **выбор темы и объекта** настоящего диссертационного исследования.

Необходимо отметить, что на данный момент не существует единой общепринятой трактовки самокритики как языкового феномена. Анализ теоретических источников показал, что при исследовании **интерперсональной коммуникации** самокритика изучается как коммуникативная тактика, направленная на вербализацию стратегии самопрезентации в ходе собеседования (Агеева, 2013), деловом интервью (Кадимова, 2018) и травелогге (Плавина, 2019), стратегии искренности в реалити-шоу (Ланских, 2008), стратегии снятия конфликта в политическом дискурсе (Желтухина, 2000). В рамках анализа специфики извинения и упрёка, самокритика изучается как речевой акт (Литвинова, 2015; Каразия, 2004). И.В. Сальникова и А.Н. Морева в своих диссертационных исследованиях рассматривают самокритику как отдельный речевой ход (Сальникова, 2006; Морева, 2015). Существуют также исследования, в которых критику (и самокритику) предлагается рассматривать как критическое суждение (Медведева, 2015), как один из компонентов концепта «Брань» (Катуков, 2006) или как один из периферийных компонентов функционально-семантической категории самости (Корепова, 2009). Кроме того, самокритика анализируется как одна из многочисленных функций иронии (Охримович, 2004) или прагматических функций в структуре автореферентных номинаций (Дахалаева, 2005). Перечисленные научные работы вносят вклад в изучение феномена самокритики, однако применение данных подходов не представляется целесообразным в связи с существенно отличающимся фактическим материалом исследования.

Настоящее диссертационное исследование направлено на анализ феномена самокритики в интериоризованном дискурсе с позиций коммуникативно-прагматической парадигмы, в рамках которой самокритика реализуется посредством коммуникативных стратегий, которые в свою очередь объективируются набором коммуникативных тактик при помощи ряда языковых средств и приёмов. При этом в орбиту исследования включается художественный дискурс и нейроатипичных авторов, что позволяет изучить способы вербализации самокритики в нарративе от первого лица – рассказчика с РАС.

Актуальность исследования обусловлена его включённостью в магистральные направления современной лингвистики – лингвистическая прагматика, коммуникативная лингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, а также междисциплинарным подходом к изучению самокритики как когнитивного механизма, который участвует в процессах саморефлексии и саморегуляции, происходящих в сознании

нейротипичных и нейроатипичных индивидов, и конденсируется в англоязычном художественном произведении посредством интериоризованного дискурса.

Объектом исследования выступают коммуникативные стратегии и тактики, вербализирующие деструктивную и конструктивную самокритику, а также языковые средства и приёмы, применяемые для выражения самокритики в современном английском языке.

Предметом исследования является специфика реализации самокритики в современном английском языке (британский вариант) на материале художественных произведений нейротипичных и нейроатипичных авторов.

В основу исследования положены следующие **гипотезы**: 1) в интраперсональной коммуникации для выражения самокритики могут быть задействованы коммуникативные стратегии самонаказания и самокоррекции, которые реализуются схожим набором коммуникативных тактик, языковых средств и приёмов; 2) интериоризованный дискурс, сконструированный индивидами с РАС, отличается частотностью включения самокритики в повествование, а также объектами самокритики.

Цель исследования заключается в комплексном систематическом анализе и описании коммуникативных стратегий и тактик, направленных на реализацию самокритики в интериоризованном дискурсе, написанном нейротипичными и нейроатипичными авторами, а также языковых средств и приёмов реализации самокритики в современном английском языке (британский вариант).

Поставленная цель предусматривает решение следующих **задач**:

- уточнить определение самокритики, рассмотреть существующие классификации, а также типологические характеристики разновидностей самокритики;
- описать различные подходы к интерперсональной и интраперсональной коммуникации, определить статус и функциональную специфику самокритики в данных видах коммуникации;
- выявить характерные признаки и критерии выделения интериоризованного критического дискурса как структурно-жанровой разновидности интериоризованного дискурса;
- выявить и систематизировать тактико-стратегический аппарат, а также языковые средства и приёмы вербализации самокритики в англоязычной интраперсональной коммуникации;
- определить частотность коммуникативных стратегий и тактик, вербализующих конструктивную и деструктивную самокритику в интериоризованном дискурсе;

- определить особенности языкового выражения самокритики в интериоризованном дискурсе, написанном авторами с расстройствами аутистического спектра.

Эмпирическую базу исследования составили более 1400 текстовых фрагментов, содержащих самокритику, которые были отобраны методом сплошной выборки из художественных произведений (21 наименование) современных британских авторов XXI века. Основными критериями отбора фактического материала являются повествование от первого лица, пейоративная оценка, в том числе интенсифицированного характера, субнейтральная эвокативная отнесённость.

Методы исследования. Исследование языкового материала проводится в соответствии с поставленной целью и сформулированными задачами при помощи следующих методов: дефиниционного анализа, компонентного анализа, сплошного текстового анализа, интерпретативного анализа, ситуативно-прагматического анализа, контекстуального анализа, стилистического анализа, метода количественных подсчётов.

Методологическую и теоретическую базу данного исследования составили работы ведущих отечественных и зарубежных исследователей в области: философии и аксиологии (Л.В. Баева, Н.А. Бердяев, А.Ф. Лосев и др.; S. Cavell, T. Cohen, S. Critchley, J. Nietalahti, etc.); психологии (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, И.И. Ильясов, А.Р. Лурия, В.А. Петровский, С.П. Сенющенко и др.; E. Swinn, P. Gilbert, S. Freud, A. Morin, T.A. Powers, D.C. Zuroff, etc.); теории дискурса (Н.Д. Арутюнова, В.И. Карасик; Е.С. Кубрякова; Ю.В. Погребняк, О.В. Сахарова, А.В. Олянич и др.; Н.Н. Clark, T.A. van Dijk, S.R. Goldman, M.M. van der Wege, etc.); лингвопрагматики (Н.Д. Арутюнова, Ф.С. Бацевич, С.Е. Бугрова, Т.А. ван Дейка, Г.П. Грайс, Е.В. Ключев, А.Ю. Маслова, Б.Ю. Норман, Е.Г. Ножевникова, И.П. Сусов, Н.И. Формановская и др.; J.L. Austin, K. Bach, R. Carston, G. Leech, R.M. Harnish, J.L. Mey, J.R. Searle, etc.); коммуникативной лингвистики (О.С. Иссерс, О.Я. Гойхман, Т.В. Ларина, Т.М. Надеина, Г.Г. Почепцов, А.П. Седых, И.А. Стернин, И.П. Сусов, Н.И. Формановская и др.); когнитивных исследований и нейролингвистики (В.Л. Деглин, А.Р. Лурия, Т.В. Черниговская, S. Baron-Cohen, R. Cytowic, D. Eagleman, M. Joffily, N. Sagiv, J. Ward, etc.); психолингвистики (Т.В. Ахутина, О.В. Байкова, В.П. Белянин, Г.Л. Гинзбург, И.Н. Горелов, Н.Ф. Крюкова, А.А. Леонтьев, К.Ф. Седов и др.; J. Caron, J. Field, G. Beattie, A. Ellis, etc.); стилистики (И.В. Арнольд, И.Р. Гальперин, Т.Г. Попова, Ю.М. Скребнев и др.; E. Black, N.E. Enkvist, M. Toolan, etc.).

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые:

- рассматривается интериоризованный критический дискурс как структурно-жанровая разновидность интериоризованного дискурса;

- выявляется репертуар коммуникативных стратегий, реализующих деструктивную и конструктивную самокритику в англоязычной интраперсональной коммуникации;
- выявляется номенклатура коммуникативных тактик и языковых средств и приёмов, объективирующих деструктивную и конструктивную самокритику в англоязычной интраперсональной коммуникации;
- определяются языковые и неязыковые особенности самокритики, в том числе самоуничижительного юмора в англоязычном интериоризованном дискурсе, смоделированном нейротипичными авторами;
- проводится комплексное описание феномена самокритики в англоязычном интериоризованном дискурсе с позиций междисциплинарного подхода, с применением достижений смежных с лингвистикой наук (философии, психологии, психиатрии).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Интериоризованный критический дискурс является структурно-жанровой разновидностью интериоризованного дискурса, в котором преобладают понятийная и пейоративная эмоционально-оценочная составляющие. Основанием для рассмотрения самокритики как интериоризованного критического дискурса выступают такие когнитивные процессы, как саморефлексия и самооценивание. Выделяемый тип дискурса представляет собой сложную форму самоанализа, в которой критическое осмысление ошибочности собственных поступков, намерений, мыслей или чувств сочетается с негативными эмоциональными переживаниями, такими как стыд, вина, разочарование, а также сопровождается попытками самокоррекции или, напротив, усилением самоосуждения и самобичевания.

2. В англоязычном интериоризованном критическом дискурсе выделяются коммуникативная стратегия самонаказания, направленная на вербализацию деструктивной самокритики, и коммуникативная стратегия самокоррекции, выражающая конструктивную самокритику. В рамках коммуникативной стратегии самонаказания субъект чрезмерно концентрируется на своих ошибках и недостатках, что приводит к усилению внутреннего конфликта, снижению самооценки и психоэмоциональному истощению. Коммуникативная стратегия самокоррекции направлена на активизацию механизмов саморегуляции посредством осознания ошибок.

3. Для реализации стратегий самокоррекции и самонаказания задействуются идентичные коммуникативные тактики: самоупрёк, самооскорбление, сравнение, противопоставление, самоанализ, контрфактуальный анализ, интернализированная критика (или согласие с критикой со стороны). Коммуникативная тактика самобичевания, ключевой особенностью которой является интенсифицированная, репетитивная

самокритика и дерогаторный аксиологический потенциал, выступает исключительно средством экспликации стратегии самонаказания.

4. Способы выражения самокритики в англоязычном интериоризованном дискурсе варьируют в зависимости от психоэмоционального состояния индивида, причин внутреннего конфликта, а также интенсивности негативной оценки. Вербализация самокритики осуществляется на всех языковых уровнях. К наиболее распространённым средствам выражения негативной оценки, направленной на адресанта, относятся на морфологическом уровне аффиксы дерогаторной оценки, формы сравнительной и превосходной степеней сравнения прилагательных и наречий; на лексико-фразеологическом уровне отрицательно-оценочные лексемы, инвективная лексика; на синтаксическом уровне повтор строевых и нестроевых элементов, инверсия, эллипсис, параллелизм, парцелляция. Кроме того, задействуются семасиологические средства и приёмы – эпитет, образное сравнение, метафора, гипербола, ирония, восходящая градация, антитеза.

5. Англоязычный интериоризованный дискурс отражает особенности индивидов с РАС. У нейротипичных людей самокритика отличается объектами самокритики (вербальная и невербальная коммуникация, страх перемен, эмоциональные реакции, «странное поведение»), а также носит более интенсивный и частотный характер. Самоуничижительный юмор нейротипичных индивидов характеризуется нестандартным креативным мышлением, включением фактов и подробным описанием деталей, что отражает склонность людей с расстройствами аутистического спектра к избыточному вниманию к деталям, а также буквальной интерпретации действительности. Такой тип юмора служит способом снятия внутреннего напряжения, а также инструментом адаптации. Самоуничижительный юмор обусловлен индивидуальными когнитивными особенностями и встречается не у всех индивидов с РАС.

Теоретическая значимость работы состоит в расширении понятийного аппарата дискурсивного анализа, а также применении стратегического подхода к исследованию самокритики в англоязычном интериоризованном дискурсе, что даёт всеобъемлющее представление о механизмах и специфике функционирования самокритики в интраперсональной коммуникации и её влиянии на психоэмоциональное состояние и поведение индивидов. Междисциплинарный подход к анализу самокритики в интериоризованном дискурсе, сконструированном нейротипичными и нейротипичными авторами, открывает новые перспективы для дальнейшего исследования отличительных черт самокритики в различных лингвокультурах.

Практическая ценность выполненного исследования заключается в возможности использования полученных результатов в преподавании теоретических дисциплин и курсов по коммуникативной лингвистике,

лингвистической прагматике, когнитивной лингвистике, стилистике, на практических занятиях по лингвистической интерпретации англоязычного текста. Результаты исследования также могут быть использованы специалистами в области когнитивной психологии, нейропсихологии, нейролингвистики, психотерапии.

Достоверность результатов исследования подкрепляется объёмом привлечённого корпуса материала, непротиворечивостью выводов и применением обще- и частнонаучных методов и приёмов исследования.

Апробация работы. Основные результаты диссертационного исследования изложены в одиннадцати публикациях, в числе которых четыре статьи в изданиях, включенных в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ. Результаты исследования докладывались на международных, всероссийских научных и научно-практических конференциях: Всероссийский фестиваль науки (ННГАСУ, г. Н. Новгород, 2021 г.), VII Международная молодёжная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества» (г. Н. Новгород, 2021 г.), II Международная научная конференция «Стратегии и тактики в различных регистрах общения» (НГЛУ, г. Н. Новгород, 2021 г.), Международная научно-практическая конференция преподавателей, аспирантов и студентов «Язык в сфере профессиональной коммуникации» (УрФУ, г. Екатеринбург, 2022 г.), Международный научный форум «Гуманизм и векторы развития цивилизации», посвящённый 90-летию со дня рождения Умберто Эко (г. Н. Новгород, 2022 г.), VIII Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества» (XXVII Нижегородская сессия молодых учёных (гуманитарные науки)), (г. Н. Новгород, 2022 г.), III Международная научная конференция «Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков)» (НГЛУ, г. Н. Новгород, 2023 г.), Международный симпозиум «Современная филологическая наука: достижения и инновации» (ИВГУ, г. Иваново, 2024 г.), XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике (НГЛУ, г. Н. Новгород, 2024 г.). Основные положения, результаты и выводы диссертационного исследования также были представлены на заседаниях кафедры английской филологии НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.

Соответствие содержания диссертации паспорту научной специальности, по которой она рекомендована к защите: диссертационное исследование выполнено в соответствии со следующими пунктами паспорта специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (германские языки) (филологические науки):

- текст, дискурс;

- лексическая семантика, типы лексических единиц и категорий, функционирование лексических единиц, лексика и фразеология и их связи с внеязыковой действительностью;
- когнитивные, коммуникативно-прагматические и стилистические исследования языка.

Структура работы определяется целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, библиографического списка, включающего 380 наименований на русском и английском языках, и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении мотивируется выбор темы и объекта исследования, определяются цель и задачи работы, обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются теоретическая значимость и практическая ценность работы, описываются объект, предмет, эмпирическая база и методология исследования, гипотеза, излагаются положения, выносимые на защиту, определяется структура диссертации, её соответствие паспорту научной специальности, приводятся данные об апробации работы.

В главе 1 «Теоретические основы изучения самокритики» рассматриваются понятия самокритики, самооценки, внутриличностного конфликта, а также их взаимосвязь; изучаются различные классификации видов самокритики, выявляются наиболее значимые функции самокритики. Проводится анализ разнообразных подходов к изучению самокритики в интерперсональной и интраперсональной коммуникации, а также обосновывается выбор применения принципов коммуникативно-стратегического подхода.

Самокритика представляет собой процесс анализа и отрицательной оценки собственных поступков, мыслей и чувств. Самокритика возникает, когда индивид вступает в конфликт с внутренним «Я», возникающий из-за продолжительного противоречия между желаниями и ценностями, убеждениями и потребностями.

В психологии самокритика рассматривается как полифункциональное явление, которое может быть направлено как на самоулучшение, так и на саморазрушение. При помощи самокритики человек может выявить свои сильные и слабые стороны, искать пути для личностного роста и улучшения. Однако самокритика может иметь и негативные аспекты: падение самооценки, порождение негативных эмоций, стресса и депрессии. В зависимости от цели самокритика может быть конструктивной и деструктивной.

Интерперсональную коммуникацию следует рассматривать как циклический процесс обмена информацией, в котором каждое сообщение

или реакция порождает ответ, что в свою очередь подразумевает постоянную взаимосвязь между участниками коммуникации. В интерперсональной коммуникации адресант использует кооперативные стратегии при выражении самокритики, которые реализуются при помощи тактики самоупрёка (тактика признания вины), тактики самооскорбления, тактики Я (-), а другой (+), тактики самонасмешки.

Под интраперсональной коммуникацией понимается процесс общения человека с самим собой, в ходе которого он (она) анализирует, оценивает свои мысли, чувства, действия, а также регулирует своё поведение. Внутренняя речь, выступающая средством реализации интраперсонального общения, может передаваться различными способами и находит своё отражение в «интериоризованном дискурсе» [Погребняк, 2012]. Данный тип дискурса служит средством выражения внутреннего мира персонажа, раскрываемого автором в художественном произведении. Принимая во внимание основной признак интериоризованного дискурса (эгоцентричность), а также его психологические функции и их подфункции, представляется возможным классифицировать интериоризованный критический дискурс как отдельный тип интериоризованного дискурса, в котором доминируют понятийная и пейоративная эмоционально-оценочная составляющие.

“I spent a few hours preparing for this moment, hunting through secondhand shops for a new vintage outfit, getting uncomfortably changed in a toilet cubicle and then furtively applying tester makeup in Boots, but now I’m starting to worry I’ve ruined everything already. What if I’ve knocked everything off course? What if the amazing blue tulle dress I’m now wearing is the thing that changes the universe? What if my black jumpsuit is actually the most attractive thing about me? More importantly, what if, by applying for reasons of hygiene only the makeup colors that haven’t been tested yet, I’ve made myself look like a drunk butterfly?” [Smale, 2023: 67].

Приведённый фрагмент представляет собой пример интериоризованного критического дискурса. Героиня выражает сомнения и озабоченность по поводу своего внешнего вида: *“... I’m starting to worry I’ve ruined everything already”*. Задавая себе ряд риторических вопросов, девушка критикует себя за то, что в очередной раз может испортить встречу с потенциальным парнем. При помощи анафорических повторов в сочетании с параллельными конструкциями автор иллюстрирует переживания девушки. Кассандра задаётся вопросом, не были ли её усилия напрасными и не допустила ли она ошибок в выборе одежды и макияжа. Использование образного сравнения, *“like a drunk butterfly”*, подчёркивает самокритичность и неуверенность героини.

Автор передаёт мысли главной героини, выраженные в виде внутренней речи. Следует также отметить, что интериоризованный критический дискурс возникает в ситуациях, связанных с

внутриличностным конфликтом, при этом персонаж находится перед сложным выбором, признаётся себе в том, что неверно поступил, или сомневается в своих действиях, как, например, в вышеприведённом примере. В интериоризованном критическом дискурсе акцентируется внимание на самоанализе и саморефлексии, стремлении понять и оценить свои действия, мысли и поступки.

Глава 2 «Коммуникативные стратегии и тактики, реализующие конструктивную и деструктивную самокритику» посвящена описанию и анализу коммуникативных стратегий и тактик, направленных на реализацию самокритики; а также используемых языковых средств и приёмов. Кроме того, осуществляется количественный подсчёт, на основании которого определяется частотность применения выделенных стратегий и тактик.

Для выражения деструктивной самокритики в англоязычном интериоризованном критическом дискурсе используется коммуникативная стратегия самонаказания; для выражения конструктивной самокритики – коммуникативная стратегия самокоррекции.

Деструктивная самокритика проявляется, когда человек характеризует себя при помощи чрезмерно строгих и критических суждений, оценивает себя негативно и преувеличивает собственные недостатки, минимизируя при этом свои достоинства. Ключевой характеристикой деструктивной самокритики является её непродуктивность и разрушительность, поскольку чрезмерная концентрация на недостатках не способствует личностному росту или поиску решений, но может вызвать серьёзные психологические проблемы. Напротив, конструктивная самокритика служит механизмом саморегуляции, который необходим для личностного роста и развития. Для неё характерен подход, ориентированный на поиск решения, при котором человек не только признает недостатки или ошибки, но и активно ищет способы решения и преодоления этих проблем. Рассмотрим следующие примеры:

“It’s over. My entire career. Everything I’ve worked for since I was twelve years old. All gone. Everything ruined. In twenty-four hours” [Kinsella, 2006: 109].

В приведённом фрагменте гиперболизированные выражения *“it’s over”*, *“all gone”*, *“everything ruined”*, *“in twenty-four hours”* в конвергенции с эллипсисом и парцелляцией создают эффект полной безысходности. Сконцентрированность исключительно на негативных аспектах и восприятие проблем как непреодолимых свидетельствуют о реализации стратегии самонаказания.

“Yes, I’d done wrong, and yes, we were still a long way from being right with each other, but with me home now we were on the road to recovery. At least we could come up with a plan to work things out” [Gayle, 2014: 99].

В вышеприведённом примере сосредоточенность индивида на планировании и проработке вопросов указывает на конструктивный подход к восстановлению отношений, но не на деструктивное заикливание на прошлых ошибках. Главный герой признает свои прошлые ошибки (“*Yes, I’d done wrong*”) и отмечает текущие трудности (“*and yes, we were still a long way from being right with each other*”), однако не отчаивается, он видит, что ситуацию можно изменить (“*but with me home now we were on the road to recovery. At least we could come up with a plan to work things out*”).

Анализ фактического материала показал преобладание коммуникативной стратегии самонаказания (66,9%) по сравнению с коммуникативной стратегией самокоррекции (33,1%). Полученный результат исследования указывает на негативную природу самокритики. В отличие от коммуникативной стратегии самонаказания, стратегия самокоррекции требует активного вовлечения индивида в процесс решения проблем. Для применения стратегии самокоррекции необходим более высокий уровень осознанности, поскольку человек не только признает ошибку, но и предпринимает шаги, необходимые для её исправления. Кроме того, деструктивная самокритика характерна для людей, находящихся в состоянии стресса и депрессии, в связи с тем, что у них отсутствует мотивация для перехода от самонаказания к самокоррекции.

Коммуникативная стратегия самонаказания реализуется посредством таких коммуникативных тактик, как самоупрёк, самооскорбление, самобичевание, сравнение, противопоставление, самоанализ, контрфактуальный анализ, интернализованная критика. К коммуникативным тактикам, применяемым для выражения коммуникативной стратегии самокоррекции, относятся все вышеперечисленные тактики, исключением является коммуникативная тактика самобичевания (см. Рис. 1).

Рисунок 1. Коммуникативные стратегии и тактики, направленные на реализацию самокритики

Исследуемые коммуникативные тактики отличаются степенью интенсивности отрицательной оценки. В этой связи представляется возможным распределить выделенные коммуникативные тактики на шкале интенсивности самокритики: от -1 (наименее негативной) до -10 (наиболее негативной) (см. Рис. 2).

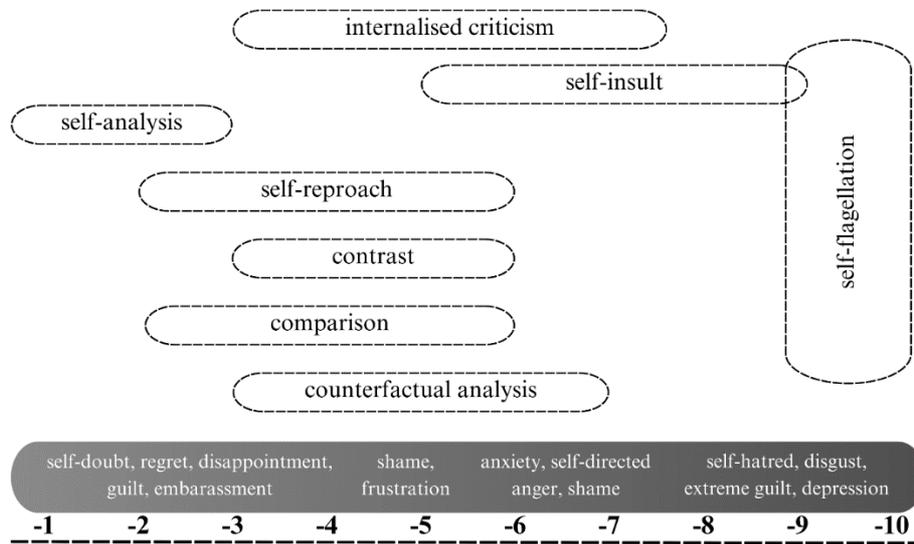

Рисунок 2. Распределение коммуникативных тактик, применяемых для выражения самокритики, по степени интенсивности

Открывает шкалу тактика самоанализа, предполагающая рефлексивные размышления, для которой не характерны резкие эмоциональные реакции. Далее следуют самоупрёк, сравнение и противопоставление, сопровождающиеся чувством вины, сожалением и в некоторых случаях злостью и стыдом. Среднюю часть шкалы занимает тактика контрфактуального анализа и тактика интернализованной критики, отражающие переживаемое индивидом отчаяние и раздражение. Коммуникативная тактика самооскорбления, отличительной чертой которой являются уничижительные высказывания, содержащие инвективы, тяготеет к интенсифицированной дерогаторности. Максимальную степень негативизма проявляет тактика самобичевания, которая в силу специфики аксиологических параметров не может использоваться для реализации стратегии самокоррекции. Стоит отметить, что при анализе эмпирической базы исследования учитывался не только тип самокритики, способы её экспликации (вербальный и невербальный), но и контекстуальные условия и факторы.

В рамках коммуникативной тактики самоупрёка адресант выражает недовольство, неодобрение, обвинение, направленные на самого себя. При этом спектр эмоциональных состояний варьирует от разочарования до злости.

“This is not OK. I can’t just steal my best friend’s modelling dream and then sit in a cupboard, whining about it. A soulmate’s job is to make somebody’s day better, not worse” [Smale, 2013b: 161].

В вышеприведённом фрагменте интериоризованного критического дискурса коммуникативная тактика самоупрёка направлена на реализацию стратегии самокоррекции. О наличии самокритического суждения свидетельствуют отрицания: *“not OK”, “can’t just steal and seat”*. Героиня осознаёт, что совершаемые действия противоречат её принципам и ценностям.

В отличие от коммуникативной тактики самоупрёка, **тактика самооскорбления** предполагает более интенсивную степень критики. При этом оскорбление, направленное на самого адресанта, заставляет его чувствовать себя расстроенным, униженным или раздражённым.

“All I recall thinking was ‘I’ll think of something’ every seventh step, whereupon I would instantly forget that I had settled on this as my strategy and panic all over again on the eighth. Worse still was my anger, my rage, at having allowed such an oversight. I was furious. How could I have forgotten that she was coming in the morning? Beyond all question, this was the most shameful and disorderly fuck up in my entire career” [Docx, 2003: 48].

В данном примере маркерами коммуникативной тактики самооскорбления является лексема *“fuck up”* (*“offensive, a serious problem”* [Cambridge Dictionary Online: URL]), отрицательная оценка которой интенсифицирована негативно-окрашенными прилагательными в превосходной степени.

Коммуникативная тактика самобичевания характеризуется суровой самокритикой, обличающей совершённые ошибки, неудачи, слабости. В следующем фрагменте героиня критикует себя за то, что солгала маме и друзьям, критический тон высказывания подчёркивают невербальные знаки: *“nausea rises up”, “I stare totally frozen”*.

“Nausea rises up my trachea and I stare at my phone, totally frozen.

I’m the devil. I’m actually the devil. Any minute now the horn that matches Bob is going to sprout and my hair is going to catch fire. I’ve been prancing around in the snow like a shoeless idiot, while Nat runs around fighting for me and buying me soup, and Annabel worries about my dental hygiene. And all I can think about is holding a boy’s hand.

I touch the painful spot on my forehead and tap my feet on the floor of the car. They’re starting to sound a little bit like – oh, I don’t know – cloven hooves.

I quickly type out a reply.

<...> I stare at it for a few seconds then press send.

That’s another lie. Two in fact. The balls inside the box in my head are going crazy, so I mentally sit on the lid so they don’t all come bursting out at the same time” [Smale, 2013a: 143].

Для выражения деструктивной самокритики девушка прибегает к коммуникативной тактике самобичевания, на что указывает использование развёрнутой метафоры в конвергенции с параллельными конструкциями и лексическими повторами *“I’m the devil. I’m actually the devil.”*. Сравнение с дьяволом свидетельствует об интенсифицированной самокритике, таким образом героиня выражает крайнее недовольство собой и своими поступками, которые она считает эгоистичными.

Коммуникативная тактика сравнения предполагает выявление сходств, проведение параллелей между двумя или более объектами для установления связей между предметами, людьми или ситуациями, что подчёркивает их общие негативные черты. В следующем примере главная героиня использует тактику сравнения, направленную на реализацию деструктивной самокритики, о чём свидетельствует чрезмерная заикленность на том, что она не способна ответить на поставленный вопрос.

“My mind is blank. I can’t think of anything else. I mean, it’s gravy. What else can you say about gravy? <...> My face is growing hot as I struggle for words. I feel like the dumb kid at the back of the class who can’t do the two-times table” [Kinsella, 2006: 173].

Использование сравнения с глупым школьником *“like the dumb kid at the back of the class”* иллюстрирует разочарование в своих способностях. Невербальное средство (*“my face is growing hot”*) отражает физиологическую реакцию, возникшую в ответ на чувство стыда или неловкости.

В основе коммуникативной тактики противопоставления лежит сравнение, сопоставление с кем-либо или чем-либо, однако основной акцент при этом делается не на поиске сходств, но, напротив, на поиске противоположных черт сравниваемых объектов.

“Maybe I should just give up on the whole nightmare. Forget about it. Let it go. The chances are I’ll never be able to prove anything. Arnold has all the power; I have none. The chances are if I try to stir things up again all I’ll get is more humiliation and disgrace” [Kinsella, 2006: 311].

В данном фрагменте интериоризованного критического дискурса на вербализацию коммуникативной тактики противопоставления направлена антитеза (*“Arnold has all the power; I have none”*), подчёркивающая неравное положение героини и её коллеги в сложившейся ситуации.

Коммуникативная тактика самоанализа подразумевает оценивание индивидом своих поступков, мыслей, чувств, а также их последствий. В приведённом ниже примере самокритика героини проистекает из осознания её личной ответственности, о чём свидетельствует эмоциональная реакция девушки: *“feel acutely embarrassed”*. На реализацию стратегии самокоррекции направлены коммуникативная тактика самоанализа и самоупрёка.

“Now I’m calming down, I’m actually starting to feel acutely embarrassed. This is all my own doing, isn’t it?”

I let myself get carried away, and I promised myself months ago that I wouldn’t.

“Right.” I give myself a firm shake. I just need to refind my focus, and maybe a bit more oxygen. “Guys, I’m OK, really. So what’s next? I’m ready.”” [Smale, 2016a: 201].

Коммуникативная тактика самоанализа осуществляется при помощи вопроса: *“This is all my own doing, isn’t it?”*. Далее героиня упрекает себя за то, что она сама довела себя до нервного срыва: *“I let myself get carried away, and I promised myself months ago that I wouldn’t”*. Саморефлексия указывает на понимание того, что девушка не соответствует собственным ожиданиям. Героиня пытается справиться с силами и продолжить съёмки. Невербальный знак – *“I give myself a firm shake”* – также иллюстрирует стремление эмоционально перезагрузиться и вернуть самообладание.

В рамках коммуникативной тактики контрфактуального анализа адресант формулирует альтернативный исход произошедших событий: «если бы (не) ..., то было бы ...».

“My brain is making ominous clicking sounds. <...>

And suddenly I can hear our conversation again. The formality. The forced breeziness. The scripted speeches. If I hadn’t been so distracted, I’d have heard the panic in his voice too” [Smale, 2016a: 83].

В приведённом фрагменте героиня критикует себя за невнимательность и отсутствие эмпатии. Коммуникативная тактика контрфактуального анализа (*“If I hadn’t been so distracted, I’d have heard the panic in his voice too”*) позволяет девушке осознать, что она была очень невнимательна. Девушка намерена приложить все усилия, чтобы исправить финансовую ситуацию партнёра, что свидетельствует о реализации конструктивной самокритики.

Коммуникативная тактика интернализованной критики представляет собой выражение согласия, при котором индивид внутренне принимает и ассимилирует критику, направленную на него (неё) извне.

“That was the truth. I was toxic. Potentially hazardous waste material that would contaminate the blissfully happy lives of any couple with whom I came into contact. It was official. I had reached rock bottom” [Gayle, 2014: 92].

Из широкого контекста известно, что главный герой, потратив значительное количество времени на поиск знакомых, которые могли бы быть в городе, получает следующее сообщение: *“Mate, right now you’re so toxic the missus would sooner see me hanging out with Satan at a strip bar than you in a pub. Keep your head down and I’m sure it’ll all blow over soon. Take it easy, S”* [Gayle, 2014: 91-92]. Герой соглашается с критикой Саймона – негативная оценка становится своеобразной линзой, через которую мужчина смотрит на себя. Внешнее подтверждение негативного

представления о себе усугубляет внутренний конфликт – мужчина прибегает к использованию коммуникативной тактики самобичевания, о чём свидетельствуют развёрнутая метафора, содержащая негативно окрашенные лексемы “*hazardous*”, “*waste material*”, “*contaminate*”, а также отрицательно-оценочная фразеологическая единица “*rock bottom*” – “*informal, the lowest or worst level of something*” [Cambridge Dictionary Online: URL]. Приведённый пример демонстрирует, что интернализованная критика может отрицательно влиять на человека, поскольку она усиливает негативные эмоции и не способствует личностному развитию или решению проблем.

К языковым средствам и приёмам вербализации самокритики в англоязычной интраперсональной коммуникации относятся отрицательно-оценочные лексемы, отрицательно-оценочные фразеологические единицы, инвективы, отрицания, сравнения, метафоры, гиперболы, лексические и синтаксические повторы, псевдовопросительные конструкции.

Количественный подсчёт примеров позволяет заключить, что в англоязычном интраперсональном дискурсе на реализацию коммуникативной стратегии самонаказания направлены следующие тактики: самоупрёк (47,1%), самобичевание (15%) и самооскорбление (12%). Реже используется тактика противопоставления (7,4%), самоанализа (6,4%), интернализованной критики (5,7%), сравнения (4,9%), и контрфактуального анализа (1,5%).

При реализации коммуникативной стратегии самокоррекции преобладает тактика самоупрёка (61,7%), интернализованной критики (12,9%) и самоанализа (11,4%). Отличительной чертой является менее частотное использование тактики самооскорбления (3,5%). Коммуникативные тактики сравнения, противопоставления и контрфактуального анализа также встречаются реже (5,6%, 3,5% и 1,4% соответственно). Коммуникативная тактика самобичевания не применяется для выражения конструктивной самокритики.

Полученный результат демонстрирует корреляцию самобичевания и самооскорбления с пагубным влиянием на психологическое состояние индивида. Напротив, коммуникативные тактики самоанализа, интернализованной критики способствуют запуску механизма саморегулирования, определению конкретных действий, направленных на нивелирование или устранение проблем.

В ходе исследования была также выделена коммуникативная стратегия снятия эмоционального напряжения, эксплицируемая при помощи коммуникативной тактики автореферентной насмешки. Данная коммуникативная стратегия применяется как отдельно, так и в конвергенции с другими стратегиями для смягчения самокритики и снятия психоэмоционального напряжения (см. Рис. 1).

В следующем фрагменте можно наблюдать реализацию тактики автореферентной насмешки. Из широкого контекста известно, что главный герой отвечает за публикацию статьи о жизни отцов-одиночек и их детей, а также за организацию фотосессии.

“This was great. Not only had I booked the world’s least photogenic man for the shoot but his kids weren’t even here. Camilla would burst a blood vessel the moment she saw the pictures. Wherever these kids were, whatever they were doing, I was going to have to get them to the studio in the next hour” [Gayle, 2014: 32].

Вместо элегантного отца, которого ему обещали (*“a recently separated father of two but also good-looking in a ‘poor man’s Hugh Grant’ kind of way”*), на съёмку приходит, как отмечает Джо, самый нефотогеничный мужчина в мире *“the world’s least photogenic man”*. Более того, затруднительное положение усугубляет отсутствие детей, необходимых для фотосессии, о чём главный герой узнает в последний момент. Понимание того, что плохой визуальный ряд может не только испортить статью, но и отрицательно сказаться на его карьере, приводит к самокритике: *“Camilla would burst a blood vessel the moment she saw the pictures”*, – о чём свидетельствует использование идиомы, содержащей отрицательную оценку, *“to burst a blood vessel”* – *“humourous, to become very angry about something”* [Cambridge Online Dictionary: URL]. Включение данной фразеологической единицы, с одной стороны, помогает подчеркнуть беспокойство мужчины и ожидаемую драматическую реакцию его руководителя; с другой стороны, привносит элемент комизма, тем самым, доводя ситуацию до абсурда.

На реализацию тактики автореферентной насмешки в анализируемом фрагменте также направлены ирония как троп (*“This was great.”*), инверсия в сочетании с гиперболой (*“Not only had I booked the world’s least photogenic man for the shoot but his kids weren’t even here.”*). Используемые тропы и языковые средства иллюстрируют осознание необходимости тщательного планирования, а также невезения, что придаёт самокритике оттенок юмора и язвительности.

Таким образом, коммуникативная тактика автореферентной насмешки используется как механизм саморефлексии и способствует снятию психоэмоционального напряжения, позволяя индивиду относиться к собственным недостаткам, ошибкам или неудачам с лёгкостью и определённой долей самоиронии. Кроме того, в тех случаях, когда автореферентная насмешка опережает внешнюю критику, она служит инструментом превентивной защиты, позволяя человеку не только осознать свои недостатки, но и снизить их значимость для себя. Таким образом, данная тактика становится универсальным инструментом эмоциональной саморегуляции и формирования адаптивных моделей поведения.

В главе 3 **«Особенности англоязычного интериоризованного критического дискурса нейротипичных авторов»** рассматривается

современное представление о расстройствах аутистического спектра, а также описываются характерные особенности самокритики и самоуничижительного юмора в интериоризованном дискурсе, написанном авторами с расстройствами аутистического спектра (РАС).

Расстройства аутистического спектра (РАС) охватывают целый ряд нарушений развития нервной системы и зависят от различных факторов, включая возраст, пол, тяжесть расстройства, сопутствующие болезни и синдромы, а также социальную и образовательную среду. Одной из трудностей, с которой сталкиваются индивиды с РАС, в том числе с высокофункциональным аутизмом, является социальное взаимодействие и интерпретация внешних сигналов.

В англоязычном интериоризованном критическом дискурсе нейротипичных авторов негативной самооценке в первую очередь подвергается неумение выстраивать коммуникацию и межличностные взаимоотношения. Самокритика у индивидов с РАС зачастую направлена на их неспособность корректно интерпретировать невербальные сигналы или предугадывать ожидания собеседника. Кроме того, отрицательно оцениваются несоответствие внешним ожиданиям, неверно выбранный стиль общения, чрезмерная эмоциональность и др., что, в свою очередь, способствует формированию чувства неадекватности и усиливает внутреннее напряжение.

Использование самоуничижительного юмора требует определённого уровня когнитивных, эмоциональных и социальных навыков, таких как способность к саморефлексии, понимание социальных норм, а также абстрактное мышление. Не все индивиды с РАС обладают такими навыками, однако те, у кого они развиты, могут эффективно использовать самоуничижительный юмор как средство снятия эмоционального напряжения, а также механизм саморегуляции и социальной адаптации. Рассмотрим следующий пример:

“I stare at the scarf in horror.

It’s a traditional Japanese sumo loincloth, known as a mawashi. It’s thirty foot long, two feet wide, made of silk and is passed repeatedly around the stomach and between the thighs and secured over the – you know. Front area. And it’s worn by men.

But I can’t afford to make Yuka any angrier, so I take a deep, professional breath as I walk into the changing room, then experimentally wind the scarf up over my penguin pyjamas and secure it with the enormous safety pin. I untie it and wrap it a little higher. Finally, I criss-cross the silk over my entire body and pin it so I’m completely mummified.

That’s better.

Now I look like the world’s most prudish baby.

I'm on the floor, trying to tug off my pyjamas from underneath it, when the door opens. A young Japanese woman with blue raccoon stripes in her hair walks into the room, followed by a large group of people wearing black” [Smale, 2013b: 149].

Из широко контекста известно, что Харриет необходимо подготовиться к фотосессии на ринге. Девушка намерена подойти к выполнению поставленной задачи со всей ответственностью (“*I take a deep, professional breath*”), однако, несмотря на свои знания о том, что маваши – это набедренная повязка для мужчин, она решает, что это и есть подготовленный для неё «наряд для съёмки».

Источником комизма, прежде всего, служит ситуация абсурда (“*I can't afford to make Yuka any angrier*” || “*I'm on the floor, <...> when the door opens*”) в сочетании с визуальными образами, которые автор создаёт при помощи детального описания действий девушки и её внешнего вида. Использование гипербол (“*secure it with the enormous safety pin*”, “*I criss-cross the silk over my entire body*”, “*pin it so I'm completely mummified.*”) интенсифицирует комический эффект. Более того, попытка завязать набедренную повязку поверх пижамы также воспринимается нелепой и смешной.

Кульминационным элементом является включение самоироничного высказывания “*That's better. Now I look like the world's most prudish baby*”, в котором самоирония практически граничит с сарказмом за счёт гиперболизированного сравнения. Комичность ситуации усиливается посредством описания неожиданного местонахождения девушки и её непредсказуемых действий. Появление молодой женщины и группы людей в тот момент, когда Харриет находится на полу, пытаясь снять с себя маваши, интенсифицирует юмористический эффект за счёт того, что она внезапно предстаёт в нелепом виде перед незнакомыми ей людьми.

Особенности самоуничижительного юмора нейротипичных индивидов состоят в использовании как лингвистических, так и экстралингвистических средств. В качестве языковых средств, используемых при конструировании самоуничижительного юмора в англоязычном интериоризованном критическом дискурсе нейротипичных авторов, выступают самоирония, окказионализмы, авторское сравнение, алогизм, аллюзия и антитеза. Кроме того, самоуничижительный юмор характеризуется включением детализированных описаний, что отражает особенность индивидов с РАС концентрироваться на нюансах.

В заключении обобщаются результаты, полученные в ходе исследования, исходя из которых можно констатировать следующее: выдвинутая гипотеза о том, что в интраперсональной коммуникации для выражения самокритики могут быть задействованы коммуникативные стратегии самонаказания и самокоррекции, которые реализуются схожим

набором коммуникативных тактик, языковых средств и приёмов, получила частичное подтверждение. Кроме того, анализ результатов исследования подтверждает выдвинутую гипотезу о том, что интериоризованный дискурс, сконструированный индивидами с РАС, отличается частотностью включения самокритики в повествование, а также объектами самокритики.

Полученные в ходе исследования выводы могут быть применены для последующих работ в области психолингвистики, когнитивной лингвистики, а также литературоведения. Перспективно также исследование, посвящённое изучению гендерных различий при выражении самокритики, в частности специфики её вербализации у индивидов с расстройствами аутистического спектра.

Основное содержание и результаты диссертационного исследования отражены в изданиях, включённых в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ:

1. Новикова Н.Д. Коммуникативная тактика контрфактуального анализа в интериоризованном критическом дискурсе / Н.Д. Новикова // Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2024. – № 6. – С. 209-211 (0,38 усл. печ. л.).

2. Новикова Н.Д. Коммуникативные тактики сравнения и противопоставления в интериоризованном критическом дискурсе (на материале британской художественной литературы XXI в.) / Н.Д. Новикова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Н. Новгород: НГЛУ, 2024. – № 1(65). – С. 86-98 (0,81 усл. печ. л.).

3. Новикова Н.Д. Специфика самокритики во внутренней речи героев с расстройствами аутистического спектра / Н.Д. Новикова // Когнитивные исследования языка. – Москва: ФЛИНТА, 2024. – № 2- 2(58). – С. 547-550 (0,23 усл. печ. л.).

4. Новикова Н.Д. Функциональная динамика синестезии в интериоризованном дискурсе / Н.Д. Новикова // Казанская наука. – Казань: Изд-во Рашин Сайнс, 2024. – № 11. – С.522-524 (0,38 усл. печ. л.).

а также в других изданиях:

5. Кабанова И.Н., Новикова Н.Д. Автореферентный критический дискурс: конструктивный и деструктивный векторы развития / И. Н. Кабанова, Н.Д. Новикова // VII Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества», XXVI Нижегородская сессия молодых учёных (гуманитарные науки): Сборник статей и тезисов молодых учёных, Н. Новгород, 17-18 ноября 2021 года. – Н. Новгород: Издательство «Перо», 2021. – С. 312-314. (0,19 усл. печ. л.) (соавт. в равных долях).

6. Новикова Н.Д. Коммуникативная тактика самобичевания в автореферентном критическом дискурсе // Стратегии и тактики в различных регистрах общения (на материале современных индоевропейских языков): Сборник научных статей по итогам II международной научной конференции, Н. Новгород, 21-22 декабря 2021 года. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2022. – С. 213-217 (0,31 усл. печ. л.).

7. Новикова Н.Д. Лингвопрагматический феномен самокритики: гендерный аспект / Н.Д. Новикова // VIII Международная научно-практическая конференция «Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества», XXVII Нижегородская сессия молодых учёных (гуманитарные науки), Н. Новгород, 17-18 ноября 2022 года. – Н. Новгород: Издательство «Перо», 2022. – С. 368-371 (0,25 усл. печ. л.).

8. Новикова Н.Д. Репрезентация эмоционально-индуцированной синестезии в интериоризованном дискурсе / Н.Д. Новикова // Июньские чтения: современные дискурсивные практики: проблемы и перспективы: Сборник статей по материалам II научно-практической конференции молодых учёных, Н. Новгород, 20 июня 2024 г. – Н. Новгород - Москва: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Изд-во «Перо», 2024. – С. 110-115 (0,38 усл. печ. л.).

9. Новикова Н.Д. Самоуничижительный юмор в женском интериоризованном критическом дискурсе (на материале современной британской художественной литературы) / Н.Д. Новикова // Современная филологическая наука: достижения и инновации: Сборник материалов Международного симпозиума. – Иваново, 23-25 мая 2024 г. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2024. – С. 353-357 (0,29 усл. печ. л.).

10. Novikova N.D. Linguistic features of negative value judgments in women's critical self-referential discourse / N.D. Novikova, I.N. Kabanova. – Текст: электронный // Язык в сфере профессиональной коммуникации: Сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов. – Екатеринбург, 28 апреля 2022 г. – Екатеринбург: ООО «Издательский Дом «Ажур», 2022. – С. 304-310 (0,44 усл. печ. л.) (соавт. в равных долях).

11. Novikova N.D. The Communicative tactic of self-reproach as a means of expressing self-criticism in modern English / N.D. Novikova // XI Всероссийский Фестиваль науки: Сборник докладов, Н. Новгород, 20-21 октября 2021 г. / Редколлегия: Д.Л. Щёголев, И.С. Соболев, Д.В. Мониц, А.А. Смыков [и др.]. – Н. Новгород: ННГСУ, 2021. – Р. 994-996. (0,19 усл. печ. л.).